

Я резко открываю глаза и громко зеваю, сердце колотится. Оглядываю комнату, и меня окружают успокаивающие кирпичные стены моей комнаты в доме Брета. Вздохнув с облегчением, я поднимаюсь, потягиваюсь и, сбросив одеяла, с радостью обнаруживаю, что прохлада в воздухе уже исчезла.

Быстрым движением я поднимаюсь с кровати. Посмотрев на кровать, чтобы убедиться в этом, и не увидев там Элы, я, пожав плечами, поворачиваюсь к умывальнику, наливаю воду из стоящего рядом кувшина и умываю руки и лицо.

Дверь открывается с визгом, я вскакиваю и задыхаюсь, торопливо пряча свою наготу, глаза расширены. Из-за двери выглядывают прекрасные большие глаза Элы, она тепло улыбается, ее длинные до плеч прекрасные светло-русые волосы колышутся на глазах и развеваются в воздухе, когда она спрашивает: "Ты хорошо спала?".

С кривым смехом я выпрямляюсь и смотрю на свою одежду, морща нос. "Да, хотя - я не уверена, сколько времени пройдет, прежде чем я привыкну спать в холодной комнате. Я не могу представить, что буду жить так всю жизнь, особенно в суровые зимы". Собрав свою одежду, я поспешно натягиваю брюки и рубашку в таком порядке: и то, и другое кажется мне слишком просторным для моей фигуры. Заправив излишки в пояс брюк, я затягиваю пояс и завязываю его.

Осторожно ступая внутрь, Эла прислоняется спиной к двери, закрывает ее и наклоняет голову, комментируя: "Жаль, что ты не зверочеловек, Хана". Она мило краснеет, когда я смотрю на нее вопросительным взглядом, приподняв одну бровь. "Ах... нннн... Я не имела в виду, что ты не... ммм... Я имела в виду, что если бы ты была, зимы не были бы такими суровыми для тебя. Когда наступает зима, я натягиваю зимнее пальто и чувствую себя прекрасно, если только не становится очень холодно. Немногие из нас страдают зимой, если только не становится слишком холодно и нет недостатка в пище".

"О, вы сами делаете себе пальто? Конечно. Это звучит очень удобно. Если бы у меня было такое, как у тебя, я бы, наверное, выглядела как девчачья обезьянка".

Посмотрев на меня с ничего не понимающим выражением лица, Эла нахмурилась. "Что такое обезьяна?"

"У вас здесь нет обезьян?" Я моргаю, иду к ней, ожидающей у двери, и смотрю ей в глаза. Она краснеет, крепко задумавшись, и отрицательно качает головой.

"Я никогда не слышала этого слова, и здесь нет никаких "обезьяньих" видов зверолодей. Если они и существуют в Юфонии, никто из моих знакомых их не видел - кроме тебя".

"... Ох..." Я потираю подбородок, смеясь. "Обезьяны... обезьяны бывают разных размеров и цветов, выглядят довольно своеобразно. Они могут быть очень маленькими, огромными и чрезвычайно сильными. Умными и умелыми руками, как люди, и звероподобными. Говорят, что человек произошел от них, фактически от общего предка. В конце концов, люди не так уж

сильно отличаются от животных. Мы все приходим из одного источника".

"О-о-о! Кажется, я поняла! Да! Мулга тоже так думал". Эла тепло улыбается. "Мы действительно пришли из одного места, и мы не такие уж разные, на самом деле! Говорят, что богиня Альвера создала Юфонию, человека, зверолодей, животных, растения - может быть, и гоблинов, хотя я в них не уверена... эээ... все одновременно. Эти истории мы передаем в наших семьях".

Размышляя над ее словами, я чувствую, как в моей голове мелькает чужая мысль. Философия пилигримов похожа. Не идентичны, но они также...

"В любом случае, Хана, если бы ты была как я", - голос Элы прерывает мои размышления, и я сосредотачиваюсь на ней, - "Мы могли бы бежать вместе практически куда угодно, и ты...". Эла останавливается на полпути со вздохом и краснеет, судорожно перебирая пальцами друг друга. Ее лошадиные уши резко поднимаются вверх, губы поджаты, а хвост растет над задницей.

Она хочет мне что-то сказать... и это ее огорчает, но я не думаю, что она еще готова этим поделиться, поэтому не буду ее заставлять. Интересно, если пилигримы и зверолоды разделяют веру в эту богиню Алверу, почему они не ладят друг с другом, если не с жителями Алвера, явно названного в честь Алверы?

-Зверьки убили моих мать и отца. Будь они прокляты!

Держась за голову, я шагаю обратно к кровати, сажусь на место, где лежат мои туфли. Заткнись, Халима.

Натягивая туфли, я смотрю на Элу и пытаюсь сменить тему на что-то более безопасное - что-то, что, надеюсь, не вызовет реакции зарождающегося голоса девочки-пилигрима в моей голове.

"Я не так уж много знаю о лошадях". По крайней мере, эти подходят. Они принадлежали Халиме и были сделаны для ее ног.

"Думаю, тебе придется просто купить одежду, как всем людям, когда станет холоднее", - "услужливо" предложила Эла.

"...Наверное, да". Я саркастически закатываю глаза. "Но ты тоже носишь одежду". Глядя на нее, я восхищаюсь ее облегающим платьем. Не то чтобы я хотела одно из этих красивых платьев. У Халимы их было много, но они отличались от стиля Элы. И уж точно ни одно не было таким красивым, как ее, за исключением цветочной вышивки Джеральдины на подоле и лифе. "Откуда у тебя такое красивое платье? Я имею в виду, когда ты и тебе подобные избегают людей".

Покраснев, Эла пожевала губу и грустно улыбнулась, наклонив одно лошадиное ухо. "Я жила в

деревне звероловцев, далеко на севере отсюда. Когда она была разрушена, мы бежали. У нас были дома, очень похожие на ваши. У нас были ткачи и другие ремесленники, как ты".

"О... значит, кто-то сшил это платье специально для тебя?" спрашиваю я, шагая обратно по полу к Эле.

Она тихо кивает, вздыхая, и оба уха теперь стоят наготове. "Мой отец заказал его для меня несколько лет назад".

"А где он сейчас?" спрашиваю я, подозревая, что уже знаю ответ.

Эла смотрит в сторону, опустив глаза, но ничего не говорит.

Подняв ее подбородок, я утешительно улыбаюсь ей и касаюсь одного из ее поникших ушей. "Ты не обязана говорить мне, если не готова".

Губы Элы дрожат, она качает головой и наконец говорит: "... он умер во время нападения монстров", - в ее глазах блещут слезы. Она поднимает руку, вытирая влажную щеку, и с тревогой облизывает губы.

"Мне очень жаль это слышать", - говорю я с тяжелым вздохом. Думая о потере Халимы, я сочувствую ей, чтобы успокоить нервы, которые я по неосторожности спровоцировал. Я потерял своих родителей в результате несчастного случая, поэтому понимаю, как горюет Эла. Поскольку я не могу утешить ее, рассказывая о своей реальной жизни, мне придется воспользоваться воспоминаниями Халимы. "...Как ты знаешь, мать Халимы - моя мать - тоже погибла во время нападения. Я видела, как гоблины съели другого жителя деревни, которого она знала... к счастью, они не успели съесть Джеральдину... но..." Я вздрагиваю при воспоминании о ее превращении, мои глаза сужаются от боли. И я не могу не вспомнить тот момент, когда узнала, что мои родители мертвы, а наш дом рано или поздно будет захвачен.

Эла вздыхает и кивает, ее уши все еще прижаты. "Хана, ты знаешь, я была свидетелем того, как гоблины подожгли вашу деревню. Я ничего не могла с этим поделать, поскольку наш род не ладит с вашим".

"Ты была свидетелем их нападения?" Я задыхаюсь от шока. "И ты не попыталась никого предупредить?"

Эла прижимается к двери, пытаясь, кажется, перекрыть ее. Она тихо бормочет, и теперь ее уши почти прижаты к щекам, а глаза наполняются слезами. "Эээээ... В ту ночь в деревне было так много гоблинов... так много, что я ничего не могла сделать. Это было все, что я могла делать... просто наблюдать за происходящим с берега реки. Я знала, что люди там умирают, кричат о спасении, но я... была... я..." Ее губы плотно сжаты вместе, она фыркает.

"...Все хорошо". Я обхватываю Элу руками и прижимаю ее к своей груди. Боже... Моя рука гладит ее по голове. "Я понимаю, как ты была беспомощна. Ты ничего не могла сделать. Я понимаю". Если бы я был Халимой, я, возможно, не был бы таким понимающим, но как посторонний человек, я понимаю.

...

Думая о "сне", который я только что видел, я снова дрожу. Что, черт возьми, это было? Что это был за мерцающий свет? Я бросился прямо в пустоту, которая, по словам человека, может убить, почти не колеблясь.

Эла громко застонала, прижимаясь к моей груди. Ее уши подергиваются, а хвост подбрасывается. "Мне так жаль..."

Глядя на Элу, я прижимаюсь щекой к ее голове и пушистым ушам. Чувствуя себя таким беспомощным, я могу сочувствовать ей. Стоять так близко к месту убийства и грабежа, быть свидетелем всего этого и не иметь возможности изменить ситуацию.

"Нелегко было оставаться в тени", - тихо говорю я ей в одно из ушей, - "Даже если они отличались от тебя и твоих, они все равно были такими же нуждающимися людьми, как ты, людьми, которых ты все еще отчаянно боишься. Я понимаю и уважаю твой страх. Ты мало что могла сделать, не жертвуя своей собственной благородной жизнью".

Эла держит лицо опущенным.

Улыбнувшись, я добавляю: "Честно говоря, я не думаю, что в конечном итоге мы так уж сильно отличаемся друг от друга, будь то зверолюди или люди".

Наклонив ее лицо, я смотрю во влажные глаза Элы, наклоняюсь и нежно целую ее лоб.

Ее милые ушки вздрагивают, когда я шепчу в них: "Все хорошо. Давай скоро поговорим обо всем подробнее. На более приятные темы. Я бы тоже хотел узнать побольше о твоей деревне". Эла краснеет и быстро кивает головой, ее измученное историей лицо теплеет от улыбки, поднимающейся, как солнце, а глаза наполняются тихой благодарностью. Ее хвост радостно подбрасывается, а ее большие глаза удивляют меня. Они потрясающе милые.

Боже... Кайри - любовь всей моей жизни. Мое сердце замирает.

Мы сидим все вместе, втроем, за деревянным столом на кухне у очага, излучающего тепло. После предыдущей прохладной ночи это замечательное ощущение. Учитывая, что солнце светит уже несколько часов и на улице уже тепло, как только утренняя прохлада рассеется, в доме будет тепло весь день.

Но опять же, может быть, это потому, что когда Брет проснулся, он развел этот костер, возможно, рано, еще до восхода солнца.

Подняв вилку, я вонзаю ее в нечто, похожее на стейк для гамбургера без соуса. Оно выглядит суховатым, ему не хватает влаги. Рядом с ним лежит пара яиц: два желтых шара покоятся на полузарумяненном белом поле. Пару ломтиков хлеба с корочкой занимают остальную часть моей деревянной тарелки. Подняв один из ломтиков хлеба, я разбиваю желток, размазываю золотистую массу по его краю и откусываю с удовлетворенным хрустом. Покраснев от удовольствия, я восклицаю.

"Я рада, что у тебя есть яйца, Брет". говорю я со счастливой улыбкой. "Я знаю несколько рецептов, в которых используются яйца, но без нескольких ингредиентов, о которых я упоминал вчера вечером, я не уверен, насколько хорошо получится то, что я задумала".

Пока я размышляю о том, что, возможно, когда-нибудь сделаю тамагойки, Брет бодро отвечает с нетерпеливой усмешкой. "Мы можем сегодня посетить базарную полосу и посмотреть, нет ли у кого-нибудь из торговцев того, что тебе нужно. У меня есть немного запасного серебра. Если то, что тебе нужно, не окажется слишком дорогим, признаюсь, мне любопытно эти блюда, на которые ты намекала, настолько, что я возьму на себя расходы - в пределах разумного". Жадно потирая руки, он улыбается. "А поход на базарную полосу поднимает другую, более важную тему..." Он поглаживает подбородок, изучая меня.

Переведя взгляд на Элу, я вижу, как она с удовольствием ест фрукты, и это зрелище заставляет меня задуматься. "Брет, ты специально купил сегодня утром свежие фрукты для Элы?" спрашиваю я с улыбкой.

Моргнув, Брет разражается смехом. "Ты меня раскусила. Я сам не ем много фруктов, но мне было так плохо от того, как Эла отреагировала вчера вечером на то, что я не смог предложить ей много того, что она хотела бы съесть - настолько, что я решил встать пораньше и попросил немного фруктов из соседского сада, учитывая, что лошади любят есть. Теперь я понимаю, почему она не стала бы есть миску, полную кусков оленьего мяса. Я попросил фрукты, потому что было бы немного подозрительно, если бы я попросил сена". Смех Брета становится все более бурным.

Я смеюсь, а Эла хихикает, поглощая фрукты без остановки, ее хвост хлещет за спиной между каркасом кресла и поясницей, а уши трепещут от восторга. Разрезая вилкой мясную котлету, похожую на стейк, я морщусь от того, насколько жестким оказывается мясо, как только я подцепляю вилкой кусок и отправляю его в рот. Мясо крупно нарезано, скорее всего, смешано с яйцами и хлебом, но простые приправы, добавленные в него, заставляют мои глаза расширяться.

Но... Это мясо действительно пикантное! Вкусное!

По вкусу оно немного напоминает колбасу куробута с небольшим привкусом говядины, а не стейк для гамбургера. Тем не менее, из него получился бы хороший стейк для гамбургера,

если бы мясо было измельчено более мелко! Жуя, я радуюсь. "Это мясо действительно хорошее!"

Посмотрев на корочку хлеба, я вздрагиваю. Учитывая, что у меня есть под рукой, это будет простая версия, но если немного поработать, я думаю, она будет великолепна на вкус!

"Я рад, что тебе нравится мой фарш, Хана". Брет улыбается, глядя на Элу. "Похоже, у меня два счастливых гостя".

Подмигивая Эле, Эла вытирает немного фруктового сока с уголков губ и краснеет от любопытного взгляда, заставляя меня рассмеяться.

"Что касается того, о чем я говорил, пока меня не прервали, - говорит Брет, - думаю, первым делом нам нужно принести тебе более подходящую одежду, Хана. Не думаю, что ты сможешь найти работу в таком виде. Я не могу позволить себе так много, но твои туфли все еще хороши. Все, что нам нужно, это простое платье, как у Элы. Ты легко найдешь работу официантки в кафе вместе с Элой, выглядя так, как вы обе".

Мои глаза расширяются от удивления. "Что???? Я думала о том, чтобы подслушать тех парней - тех, что таскали тяжелые на вид бочки со склада в тележку, когда мы только приехали... Или, если окажется, что они уже закончили свою работу, может, кому-то еще нужна помощь в переноске вещей. Я лучше подхожу для тяжелой работы".

Брет недоверчиво смотрит на меня. "Что? Может быть, в твоих мечтах, Хана. С твоими детскими мускулами?". Брет смеется. "Поверь мне, работа официантки сейчас достаточно тяжела для тебя. Сначала наберись сил, а потом мы поговорим о смене работы".

<http://tl.rulate.ru/book/75953/2277402>